

УДК 821.512.141.09

ОБРАЗ ПОЭТА В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М. АКМУЛЛЫ

Шарипова З.Я.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Россия, Республика Башкортостан (450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32), e-mail: baiman48@mail.ru

В истории башкирской литературной мысли поэзия Акмуллы занимает особое место. М. Акмулла в своем творчестве не следует, как его предшественники, строгим канонам средневековых поэтических традиций. Не тратя время на толкования распространенных коранических сюжетов, не прибегая к использованию “ходячих” литературных образов, он обращается к реальным событиям, к реальным лицам современного ему общества, излагает свои личные переживания. В поэзии Акмуллы литературная форма служит прежде всего для раскрытия литературно-эстетического содержания. Его письма к той или иной конкретной личности – это не личная просьба, а открытое обращение на широкую публику по тем или иным актуальным общественным проблемам своего времени.

Правдивое слово, которое может раздробить сердце, или, наоборот, острое как кинжал пронзающее сердце слово – вот его творческое оружие.

Смелая и уверенная в своей правоте личность, вооруженная метким словом для защиты униженных и оскорбленных, восставшая против враждебных сил во имя справедливости, веры и знаний, нравственности – такой образ Поэта вырисовывается в произведениях Акмуллы.

Ключевые слова: образ поэта, творческий процесс, стихотворение, поэтические традиции, устное народное творчество, письменная литература.

THE IMAGE OF THE POET IN M.AKMULLA'S POETICHERIT AGE

Sharipova Z.Y.

GOU VPO "Bashkir State University", Russia, the Republic of Bashkortostan (450076, Ufa, ul. ZakiValidi 32), e-mail: baiman48@mail.ru

In the history of the Bashkir literary thought Akmulla's poetry is occupies a special place. M. Akmulla in his work should not be, as its predecessors, the strict canons of medieval poetic traditions. Without wasting time on common interpretations of Quranic stories without resorting to the use of "walking" literary images, he refers to real events, real people in contemporary society, presents his personal experiences. In Akmulla's poetry literary form serves primarily to expand the literary and aesthetic content. His letters to a particular person - it is not a personal request, and an open appeal to the general public on various topical social issues of his time.

True word that can become generous heart, or, conversely, sharp as a dagger stabs through the heart the word - this is his creative weapons. Bold and self-righteous person, armed with accurate word for the protection of the insulted and injured itself against hostile forces in the name of justice, faith and knowledge, morality - this image of the poet emerges in the Akmulla's works.

Keywords: image of the poet, the creative process, poem, poetic traditions, folklore, written literature.

Жизнь и творческое наследие выдающегося башкирского поэта-просветителя Мифтахетдина Акмуллы (1831–1895) достаточно полно изучены башкирскими учеными А. Харисовым, Р. Шакуровым, А. Вильдановым, Г. Кунафиним, Г.Хусаиновым, З. Шариповой [6, 355], краеведом Р.Насыровым, исследованы в свое время казахскими, татарскими учеными [8,24]. Тем не менее в биографии поэта остается немало белых пятен в плане уточнения как конкретных фактов его жизнедеятельности, так и отдельных проблем, например, сугубо литературоведческого характера. Таковыми являются вопросы формирования представлений М Акмуллы о поэтическом труде [9,69]. Для их полноценного анализа здесь предпринимается уточнение биографических перипетий, установление примерных дат написания отдельных

произведений путем сопоставления научных трудов, собственных произведений автора, новых сведений, почерпнутых из публикаций краеведа Р. Насырова [4,95], академика Г. Б. Хусаинова [7,135].

Особенности становления творческих взглядов сээна-импровизатора Акмуллы четко прослеживаются при более пристальном исследовании его поэтического наследия. В научных исследованиях отмечен достаточно высокий уровень его познаний о мире, об обществе, о взаимоотношениях людей, об искусстве слова. В годы учебы в медресе Мифтахетдин усвоил классические восточные языки – арабский и персидский, восточные литературы, изучил также произведения и труды многих ученых и мыслителей Востока, Урало-Поволжья, из которых особо выделяет Платона, Фараби, Газали, Навои, Г. Курсави, Марджани, З. Расули, Р. Фахретдинова и др. Он был особо привязан к поэзии Аллаяр суфия, всегда держал при себе его книги «Субат ал-гажизин», «Мурад ал-гарифин» [2,205].

В основе жизненной позиции и взглядов на мир Акмуллы лежит его собственный житейский опыт, накопленный в годы скитаний по обширным степям. Живое созерцание каждодневного быта и образа жизни бедняков и богачей, власть имущих, обширные знакомства и общение с разными типами людей разных сословий – именитыми учеными, поэтами, представителями высшего мусульманского духовенства и власти, издателями, знаменитыми казахскими акынами и др. давали реальные знания о действительности. Опора на них позволяет поэту делать философские обобщения о народе, о нации, о том или ином явлении жизни в поэтической форме, что воспринимается как афоризмы и пословицы. Обладая природным даром импровизаторства и располагая знаниями башкирского и казахского устно-поэтического творчества, Акмулла умело использует в своем творчестве их приемы и образные средства, жанровые формы, лексическое богатство народного разговорного языка.

Анализ показывает, что Акмулла глубоко осмысливал процесс своей творческой работы. Если в более ранних произведениях, например, тюремного цикла, он подписывался «мулла, галим/ученый», то в более поздних – шагир, т.е. поэт. Процесс творчества Акмуллой часто обозначается как игра словами, при этом почти не разграничивается устное исполнение от письменной фиксации на бумаге. Очень часто то или иное стихотворение начинается с обращения «Слушайте», затем в тексте следует «написал карандашом». Цикл «Йырау» (Певец) написан в форме и стиле устно-поэтического творчества и предназначен как бы для слушания, при этом автор указывает на то, что «данная кисса написана». Смешение стилей не умаляет художественных достоинств произведения, наоборот, придает ему оригинальное поэтическое звучание.

Перед Акмуллой не стоит вопрос «Какой человек становится поэтом?». Для этого нужно иметь дэрд (дэрд – персидское слово, по смыслу ближе к словам «ныть, болеть, мучиться»

[3,213]), т.е. быть дэрдмэнд (мученик). Однако речь здесь не идет о каких-то физических телесных страданиях. В суфийских учениях «дэрд» – один из основных терминов, и им обозначается душевное состояние суфия, стремящегося к скорейшему душевному выздоровлению, чтобы достигнуть мистического слияния с Всевышним. И в письменной средневековой литературе слово «дэрд» закрепилось в том же значении, т.е. выражение состояния, отражающего душевные терзания и переживания лирического героя. (Следует отметить, что в современном башкирском языке «дэрт и дарман», напротив, употребляются в противоположном смысле для обозначения состояния внутренней переполненности энергией, силой и желанием жить [5, 301,265].) С этим понятием неразрывно связано и другое персидское слово «дарман» (в переводе – средство, лекарство, снадобье [3, 215]). Суфийское лекарство для избавления от душевных страданий несчастного влюбленного – это долгий путь тариката в целях сближения с Богом.

Отдельные стихотворные строки, например, «...Думаешь?» доказывают, что Акмуллой также воспринимается словесная связка «дэрд-дарман». В стихе «Ах, дарига!» наличие «дэрд» рассматривается им как первое условие поэтического творчества:

*Дэрдмэнды не становятся поэтами,
Если их душа черства, пуста, бесчувственна...*

Зачастую вместо «дэрд» используются слова «зар-горе», «моң – грусть, печаль», в особенности для выражения психологических переживаний своего лирического героя: «грустный парень расскажет о своей печали», «любимым (дорогим) рассказать о своей печали», «несу свою печаль, томящую давно». Эмоциональный мир поэта-творца образно описывается в стихотворении « Вот слово Акмуллы...»:

*Вот слово Акмуллы – как хочешь, так суди;
Я – ровня мертвецу, остыла страсть в груди...
Что видеть довелось – в душе моей слилось
И, яростно вскипев, наружу прорвалось [1,150]...*

Акмулла в стихах по-разному себя называет: “я один из невеж, мы не из ангельского рода, бедняга по имени Акмулла, пленник, одинокое дитя, калека, безумный, блаженный, дэрдмэнд, узник, несчастный путник, паршивый пес ” и т.д. Очень точно описывается в произведении «Я - дивана» истинное самочувствие в своем обществе и осознание своего положения как независимого творца:

*Довольно, Акмулла, остановись,
Подумай о себе: проходит жизнь...
Твой ум расстроен гордостью вконец,
Лишен ты послушания, гордец.*

*Среди апельсинов ярких и душистых
Сравни себя с морковью, о слепец...
Я пуст, я глуп, я глух, я – дивана..
В речах моих – сумятица одна...
Я ничего от вас не утаил... [1,147]*

Прием принижения себя – это как бы дань средневековой поэтической традиции, в самом деле, поэт очень хорошо представляет подлинную ценность правдивого поэтического слова:

*И если я сравнил себя с собакой,
Считайте, что себя я похвалил...
Унижайте, уменьшайте – я не против,
Если сами вы достойны возвышения.[1,148]*

Поэт чувствует себя свободным творцом, носит в душе большую благодарность своему “языку” за то, что позволяет писать “любимое, желанное”. Акмулла не из тех, кто ждет восхваления, признания его заслуг. Он – борец за правду, справедливость и равенство, он – поэт, утверждающий право каждого человека на счастливую жизнь, на богатое и спокойное существование:

*В диване (сборнике) Акмуллы чего только нет!
И смех, и брань найдешь, и перец, и шербет.
Правдивые слова страниц моих хранят
Для одного - бальзам, а для другого – яд. [1,150]*

Четвертая глава оды в честь Шигабутдина Марджани, можно сказать, полностью посвящена вопросам поэтического мастерства, где более или менее полно отражаются творческие взгляды автора [1,129-131].

*Волишебство, коль книга полнится стихами,
Совершенны ли стихи, судите сами;
Кто посмеет запереть такое чудо,
Коль оно необходимо нам же с вами! [1,129]*

В девяти строфах приемами поэтики, с литературными иносказаниями как бы перечисляются те или иные личностные качества, которыми должны быть наделены настоящие поэты, только такие могут совладать чудодейственным словом.

Во-первых, поэты должны изрекать мудрые, с глубоким смыслом слова, и наставления, справедливые и поучительные назидания.

Во-вторых, они должны быть искусными ораторами, обязаны создавать захватывающе интересные произведения, “вызывать в своих слушателях слезы очищения, растопив их зачерствевшие сердца, помочь перенести тяжкие невзгоды”.

В-третьих, помимо ораторского мастерства поэт должен быть духовно богат, с чувством собственного достоинства, иметь собственное мнение, быть смелым, не боящимся говорить праведное слово.

В-четвертых, он хорошо должен знать религию, жить по религиозным канонам, уважать и укреплять веру, свято чтить память предков.

В-пятых, поэт должен быть настоящим мужчиной, думающим о благе людей и своей страны, искренне от всей души служить делу просвещения и нравственного воспитания народа.

В-шестых, поэт должен разбираться в характерах людей и уметь оценивать их действия, научиться отличать хорошее от плохого, вкус от безвкусицы, умного от дурака.

В-седьмых, в душе поэта должны быть изначально данные богом качества, как “*фэсахат* или *эс-самге эл-калим*” (умение красиво рифмовать слова), талант и любовь к родному слову.

Акмулла напоминает, что и поэт, и сказитель-сэсэн должны контролировать свои эмоции и слова, быть во всем разумными. О неразрывной связи слова и разума, разума и знания подчеркивается почти в каждом стихотворении Акмуллы. Чтобы жить по-человечески, надо понять важность разума, восхвалять его – в творчестве поэта это, наверное, основной повторяющийся мотив. «*Слово – ветер, душа – река, ум – сокровище*», – пишет поэт. Ум помогает всем в обществе строить правильные людские отношения и найти свое место в жизни, а знания и ремесло нужны, чтобы в повседневной жизни осчастливить прежде всего себя и ближних:

*Уменьем наделяет нас, и силой
Не дух святой, не волшебство, а знанье.
Кто просвещен и ремеслу обучен,
Тот славен, горд, в общении не скучен... [1,19]*

Бросив призыв «*Башикры мои, учиться надо!*», Акмулла зовет народ овладевать источниками мудрости, сокрушаясь при этом о недостаточности только его поэтических назиданий.

Есть ли еще хоть одна душа, готовая лучше донести сородичам просвещенное слово?

Этим риторическим обращением Акмулла поднимает проблемы сохранения глубинных неразрывных связей поэта-творца со своим народом, гражданской ответственности поэта за его судьбы. При наличии всех перечисленных выше качеств, по его мнению, можно приступать к творческим действиям, не боясь в будущем всякой критики, недобрых слов в свой адрес.

В то же время Акмулла напоминает еще об одном качестве, о котором должен помнить каждый творец – это отношение к славе, в лучах чего суждено пребывать каждому

проявившему как-то себя таланту. Поэт подчеркивает, что прославиться как-то можно, но чтобы она сохранилась и после тебя, нужны только реальные добрые дела, совершенные в свое время, среди своих современников и ради них:

*После жизни слава не останется,
Если при жизни нет у тебя заслуг...
Великим себя возомнив,
Найдешь ли ты ровню на свете?*

– восклицает Акмулла, указывая на суть жизненных принципов в обществе [1,91].
Счастье, по утверждению поэта в одноименном стихотворении, не в собственном выпячивании своих достоинств и упование ими, пребывая при этом в гордом одиночестве, а в совместной дружной жизни на основе равных и искренних отношений. Не отрицать огульно смысл жизни, очерняя весь мир и свое брренное время, напротив, жить, находя искреннюю радость в земных заботах, – в этом видит Акмулла счастье. Здесь он выступает как личность, обладающая историческим взглядом, глубоко понимающая важность воспитания и сохранения высокой нравственности, и также понимающая жизненную необходимость неразрывной духовной связи поколений.

Объективно принимать окружающий мир во всей его реальности и сложности, правдиво и глубокомысленно отражать его в своих произведениях – этот творческий принцип как для писателей конца 19 века – времени жизни Акмуллы, так и для современных творцов, остается весьма актуальным. Акмулла, оценивая свое творчество как выражение правдивого слова, которое “кого-то посмешит, а кто-то обругает”, выступает против искажения действительности. Суть поэзии, по взглядам Акмуллы, в ее общественном предназначении: воспитание человеческого духа, развитие ума, «внутреннее очищение», исцеление души.

Это показывает, что Акмуллой осознается подлинная функция и положительная роль любого литературного текста. Чтобы обрести такие свойства, стихи должны прежде всего соответствовать определенным эстетическим канонам. Например, в ходе айтышов казахским акынам Нургоч и Зинде заявляет, что у одного нет чувства меры, у другого – чувства возвышенности, нравственной ответственности. Нургоч акына Акмулла обвиняет в неуважении к образцам народного творчества, в намеренном сокращении и искажении текста казахских эпосов при подготовке к публикации [7,138].

В «Оде Ш. Марджани» Акмулла предстает как зрелый поэт-профессионал, вставший на защиту чести выдающегося ученого. Публичное поэтическое слово, будучи самым правдивым и потому самым грозным оружием в умелых руках, по мнению поэта, способно остановить любое мракобесие и попрание человеческого достоинства.

В понимании поэтом роли и функций поэтического слова произошел существенный сдвиг. В течение столетий башкирская литературная мысль, во-первых, являлась средством выражения всего спектра разнообразных мыслей (юридической, исторической, нравственной, этической, социальной), сосуществующих в общественном сознании, во-вторых, служила целям передачи определенных знаний. Надо сказать, стихотворные произведения М. Акмуллы овеяны идеями просветительства, пронизаны призывами к овладению всевозможными знаниями, мотивами самосовершенствования. При всем этом назначение поэтического слова поэту видится в прямом воздействии на душу каждого, так как именно поэтическое слово очищает её, осветляет положительными эмоциями и наполняет жизнеутверждением. Одним словом, представления Акмуллы о поэтическом труде и смысле литературного творчества свидетельствуют о зрелости его литературной мысли.

В поэзии Акмуллы, таким образом, органично и вполне естественно соединяются два вида словесного творчества. Устно-поэтическое творчество и письменная литература, сосуществовавшие в течение столетий параллельно, впервые в творчестве Акмуллы образовали единый художественно-эстетический сплав, представивший поэтическое слово и образ самого Поэта в новом качестве.

Список литературы

1. Акмулла Мифтахетдин. Стихи. – Уфа: БКН, 1986. – 160 с. С.150.
2. Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. М. Акмулла // Башкирские просветители-демократы XIX в. – М.: Наука, 1981. – С. 207-252.
3. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. – М., 1953. – С.213, 215.
4. Насыров Р.Х. Светлый путь Акмуллы // Ищу человека.- Уфа: Китап, 1997. – С.95-109.
5. Словарь башкирского языка: в 2 т. – Т.1. – М.: Русск.яз., 1993. – 862 с. – С.301,265.
6. Харисов А.И. М. Акмулла //Литературное наследие башкирского народа. – Уфа: Китап, 2014. – 355-382 с.; Вильданов А.Х. Акмулла – певец света и разума. – Уфа, 1981. – 160 с.; Кунафин Г.С. Башкирская литература 2-й половины XIX в. – Уфа, 1992. – С.37-56; Хусаинов Г.Б. Акмулла – поэт-сэсэн // Сыны Отчизны. Жизнь исторических личностей. – Уфа: Китап, 1998. – С.487-506; Шарипова З.Я. Башкирская литературная мысль. – Уфа: Китап, 2008. – 320 с.
7. Хусаинов Г. Б. Найдены новые произведения Акмуллы // Из истории башкирской литературы XIX в. – Уфа: БКИ, 1989. – С. 135-143.
8. Шакур Р. Звезда поэзии: М. Акмулла. Жизнь. Творчество. Мироззрение. – Уфа, 1996. – 184 с.

9. Шарипова З.Я. Становление башкирской литературной мысли // Вестник БГУ. – 2006. – № 6. – С.67-70.

Рецензенты:

Идельбаев М.Х., д.ф.н., профессор ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа;

Кунафин Г.С., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.